

КАК «СВЯЩЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ» ПРЕВРАТИЛАСЬ В «ИМПЕРАТОРСКУЮ ДОРОГУ», ИЛИ О ЗНАЧЕНИИ СЛОВА *πλατεῖα* В НАДПИСЯХ МАЛОЙ АЗИИ

Сура, маленькое поселение на землях крупного ликийского города Миры, прославилась в античном мире благодаря Аполлонову оракулу по рыбам. Согласно пяти надписям III в. н. э., в Суре существовала некая организация, которая заботилась о святилище Аполлона. Называлась она *Σεβαστή πλατεῖα* – «Священная коллегия». Правда, Л. Робер, Н. Чевик и некоторые другие ученые полагают, что *Σεβαστή πλατεῖα* было названием либо широкой мощеной улицы с колоннами, либо названной в честь императора дороги. Однако Сура была столь маленьким поселением, что там вообще никогда не существовало ни улицы с колоннами, ни Императорской дороги. Автор рассматривает много контекстов со словом *πλατεῖα* из надписей Малой Азии и приходит к выводу, что в этом регионе слово *πλατεῖα* обозначало не только «улицу», но и «товарищество», «коллегию». А значит, надписи Суры представляют списки предстоятелей Священной коллегии.

Ключевые слова: Малая Азия, Сура, Ликия, оракул по рыбам, Священная коллегия, *πλατεῖα*, список предстоятелей, значение слова, древнегреческая надпись.

На южном побережье Малой Азии в центре земель Ликии недалеко от города Миры существовал в древности узкий морской залив, глубоко врезавшийся в сушу и зажатый между двух высоких холмов. Возле самого его берега из восточного холма с большим напором вытекал обильный пресный источник, воды которого устремлялись по прибрежному песку к морю, вымывая в устье ручья похожее на чашу углубление. Древние ликийцы верили, что в водах источника обитает оракул – вещий дух этого места, и приходили на берег залива поклониться богу Созонту, хозяину этого оракула, и попросить у него совета и помощи. Сам же оракул получил от них имя Сура – «бьющий ключом источник», восходящее к ликийскому *nomēn actionis* *ḡuḡa-ḡar* ‘набухание, вздутие’ (Neumann 1962: 204–207). За прошедшие столетия песчаные дюны постепенно перекрыли устье залива, и место морских волн заняло заросшее травой болото, через которое меандром текут в море воды до сих пор неиссякаемо сильного священного источника.

Видимо, уже в архаический период на ровном плато, которым заканчивался восточный холм, было основано поселение, названное по имени привлекшего сюда людей оракула Сурой. Сура никогда не претендовала на статус города, хотя некоторые из ее жителей были весьма богаты и могли позволить себе воздвигнуть большие ликийские скальные гробницы – эти две гробницы, расположенные на юго-восточном склоне акрополя Суры и датируемые серединой IV в. до н. э., сохранились до наших дней.

В эллинистическое время с приходом в этот регион греков на берегу залива был построен храм Аполлона – его идентифицировали с Созонтом и стали почитать владыкой сурийского прорицалища. Свидетельства о том, как тогда происходило вопрошение Аполлона, оставили нам ликийский историк Полихарм (Athen. VIII 8 (333 d–f)), Артемидор Эфесский (Athen. VIII 8 (333 f–334 a)), Плиний Старший (XXXII 17), Плутарх (Mor. 976 C), Клавдий Элиан (НА VIII 5; XII 1), Элий Геродиан (Vol. 3.1. p. 259 Lentz), Стефан Византийский (p. 582 Meineke) и Евстафий (Od. Vol. 2. p. 23). Служители прорицалища и посетители спускались с верхнего плато на берег залива. Жрец садился в отдалении у священной рощи, а вопрошавшие вместе со священноглашатаем подходили к устью ручья и бросали в воду два маленьких деревянных вертела с десятью кусочками жертвенного мяса на каждом из них. Привлеченные угощением в устье начинали заплывать разнообразные и весьма крупные рыбы. Они либо набрасывались на еду, либо, словно в негодовании, вышвыривали ее хвостами на берег – считалось, что именно вещий дух источника заставлял оказавшихся в его водах рыб вести себя тем или иным образом. Священноглашатай внимательно наблюдал за поведением рыб и потом объявлял жрецу, какие виды рыб приплыли, и как они поступили с предложенной им жертвой. На основании услышанного жрец возвещал вопрошавшим волю Аполлона¹.

К юго-востоку от акрополя Суры возле скальных гробниц в древности была возведена некая постройка с большим залом (15,6 x 9,1 м), северная и западная стены которого частично были вырублены из скалы. На северной стене вырезаны две

¹ Подробно об оракуле Аполлона в Суре см.: Приходько 2016 bis, Приходько 2017.

пары стел с треугольными фронтонами, плотно покрытые длинными надписями на древнегреческом языке. На западной стене виднеется полузасыпанная землей еще одна пара стел, но надписей на этих стелах нет – приготовленные заранее, они в силу каких-то причин так и не были использованы. Каждая из имеющихся надписей содержит длинный список предстоятелей Аполлона Сурийского, и поэтому в научной литературе эту постройку условно стали называть «залом жрецов» (Borchhardt 1975: 80 (Priesterhalle); Çevik, Öztürk 2011: 95–96 (rahipler salonu)).

Впервые эти стелы с надписями обнаружил Юлиус Август Шёнборн 19 декабря 1841 г., однако из-за проливного дождя скопировать текст надписей он не смог и, вернувшись в Суру в 1842 г., сделал копии надписей с двух западных стел (Ritter 1859: 1103–1105). В тот же 1842 год 23 марта в Суре побывали Томас Спратт, Эдвард Форбс и Эдвард Томас Дэниэлл, также скопировавшие только две западные надписи (Spratt, Forbes 1847: I 136–137; II 274). Правда, судьба этих копий оказалась различной. Шёнборн отправил свои записи в Берлин Августу Бёку, и они были опубликованы в *Corpus Inscriptionum Graecarum* (III 4303. i; 4303. k). А рабочие тетради Дэниэлла после его скоростижной смерти 24 сентября 1842 г. Спратт и Форбс отдали для издания в Британский музей Самуэлю Бёрчу, но публикация так и не была подготовлена, а сами тетради исчезли.

В 1882 г. в Суре работали члены австрийской экспедиции Франц Студничка и Эмануэль Лёви, сделавшие новые копии с западной пары стел. Они были опубликованы – и это на данный момент последнее издание – во втором томе «Путешествий по юго-западной Малой Азии», вышедшем под общей редакцией Эугена Петерсена и Феликса фон Лушана. Поэтому, следуя нумерации этого издания (Petersen 1889: 45–46), мы будем сокращенно называть их PL83 и PL84. Восточная пара стел – значительно сильнее выветрившаяся и наполовину засыпанная землей – впервые была откопана и скопирована в 1894 г. Рудольфом Хэбердеем и Эрнстом Калинкой. Кроме того, они обнаружили на отдельно лежащем и разломанном камне пятую

подобную надпись, с которой также была сделана копия². В соответствии с нумерацией надписей в подготовленном Хэбердеем и Калинкой издании (Heberdey, Kalinka 1897: 15–16) мы будем называть их НК48, НК49 и НК50.

Все пять надписей из «зала жрецов» датируются первой половиной III в. н. э. Их длина колеблется между 18 и 24 строками, и построены они все по одному принципу. Каждая надпись начинается с посвящения Аполлону Сурийскому и следующего за ним указания имени верховного жреца Императоров – ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν. Верховный жрец Императоров был во времена империи высшим представителем Ликийского союза и избирался сроком на один год, в результате чего в этот период ликийской истории каждый год определялся по имени верховного жреца. Единственное исключение составляет надпись PL83, где вместо имени верховного жреца Императоров, который, судя по всему, в тот год избран не был, названы римские консулы Луций Марий Перпетв и Луций Муммий Феликс Корнелиан, что дает возможность точно датировать эту надпись 237 годом.

После имени верховного жреца Императоров все надписи сообщают имена тех, кто в год создания надписи был жрецом Аполлона, секретарем Священной коллегии и священноглашатаем, и лишь за этим вступлением следует то, ради чего собственно каждая из этих надписей и была создана – список предстоятелей Священной коллегии, количество которых в разные годы колебалось между 25 (НК48) и 21 (PL83) членом.

Казалось бы, текст всех пяти надписей в целом не вызывает проблем при переводе, однако одно слово, встречающееся во вступительной части каждой надписи то один, то два раза, трактуется в научных трудах по-разному. Это слово – ἡ πλατεῖα. Именно в особенностях его употребления нам и предстоит разобраться.

Рассмотрим сначала, в каком контексте появляется слово πλατεῖα во вступлениях надписей из «зала жрецов».

Надпись НК48, вырезанная на самой восточной стеле:

² Камень с этой надписью, к сожалению, мне найти не удалось, так что судьба его неизвестна.

«В добрый час! Аполлону Сурийскому. При верховном жреце Гераклиане третьем³ – он же Аристенет, при всю жизнь исполняющем жреческое служение Аврелии Эвплое втором – он же Просдект⁴, при секретаре М. Аврелии Лисимахе, дочери Деметрия, при священноглашатае Аврелии Эпафродите – он же Дионисий, предстоятели Σεβαστῆς πλατείας...».

Надпись НК49, вырезанная на соседней стеле:

«В добрый час! Аполлону Сурийскому. При верховном жреце Элии Телемахе – он же Дикеарх, при всю жизнь исполняющем жреческое служение Аврелии Антигоне втором – он же Лисимах, при секретаре Σ(εβαστῆς) π(λατείας) Ксанфе, при священноглашатае Аврелии Ферагафе – он же Деметрий, предстоятели Σεβαστῆς πλατείας...».

Надпись PL83, вырезанная на восточной стеле западной пары:

«В добрый час! Аполлону Сурийскому. При верховном жреце после Марка ..., в год консульства Перпетва и Корнелиана, при всю жизнь исполняющем жреческое служение Птолемею – он же Зосим, при секретаре Σεβαστῆς πλατείας Юлии Аврелии Анфе, при священноглашатае Маркии Ксанфе, предстоятели...».

Надпись PL84, вырезанная на самой западной стеле:

«В добрый час! Аполлону Сурийскому. При верховном жреце Антихаре – он же Дионисий, при всю жизнь исполняющем жреческое служение Антигоне втором – он же Лисимах, при секретаре Σεβαστῆς πλατείας Симфоре втором – он же Сотер, при священноглашатае Маркии Ксанфе, предстоятели...».

Надпись НК50, вырезанная на отдельном камне:

«В добрый час! Аполлону Сурийскому. При верховном жреце Юлии Деметрии, при всю жизнь исполняющем жреческое служение Аврелии Птолемею – он же Зосим, при секретаре

³ Гераклиан назван третьим, поскольку он был третьим Гераклианом подряд в своем роду – иными словами, Гераклиан, сын Гераклиана, внук Гераклиана.

⁴ При копировании Хэбердей и Калинка не смогли разобрать второе имя Аврелия Эвплойа. Однако в подготовленном, но так и не изданном четвертом фасцикуле второго тома *Tituli Asiae Minoris*, куда вошли надписи из Лимир, Мир и Кианей, Густав Мареш дает второе имя Аврелия Эвплойа – Просдект, о чем можно судить по неоднократно ссылающемуся на рукопись Мареша «Словарю греческих личных имен» (LGNP V.B. p. 165).

Σεβαστῆς πλατείας Аврелии Феодоре втором, внуке Клавдия Агамемнона, при священноглашатае Маркии Ксанфе, предстоятели...».

Как видим, в каждой надписи констатируется существование некоей Σεβαστῆ πλατεῖα, у которой есть секретарь – используется причастие глагола γραμματεύω: γραμματεύοντος Σεβαστῆς πλατείας, – и предстоятели: οἱ προστάται Σεβαστῆς πλατείας. Если обратиться к словарю Лидделла и Скотта, то можно найти, казалось бы, исчерпывающее объяснение семантики слова πλατεῖα: ἡ πλατεῖα – это субстантивированное в женском роде прилагательное πλατύς, при котором опущено слово ὁδός, то есть подразумевается ἡ πλατεῖα ὁδός ‘широкая дорога’. Обычно это субстантивированное прилагательное означало ‘улицу’, но в надписях из Суры Σεβαστῆ πλατεῖα – это название коллегии (name of a guild) (Liddell, Scott 1996: 1414). Такое же толкование употребления слова πλατεῖα в надписях предлагает Э. Цибарт: «ἡ πλατεῖα, следовательно, обозначает а) улицу, б) коллегия, связанную с определенным местом», и в Суры Σεβαστῆ πλατεῖα – это коллегия (eine Korporation) (Ziebarth 1896: 105–106). Ж. П. Валтцинг включил Σεβαστῆ πλατεῖα Суры в свой список профессиональных объединений (Waltzing 1899: 24–25). Эту точку зрения сочли достоверной и составители собрания *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes*: Σεβαστῆ πλατεῖα – это collegium (IGR III 711, n. 2).

Следуя единодушному объяснению всех этих ученых, мы должны признать, что в Суры существовала некая организация под названием «Священная коллегия», которая, скорее всего, представляла собой что-то типа попечительского совета святилища Аполлона и занималась общими вопросами организации жизни прорицалища. Согласно надписям из «зала жрецов», у Священной коллегии каждого созыва был свой секретарь и свои предстоятели, чьи имена и были увековечены в этих надписях.

Однако эта совершенно правильная, на наш взгляд, трактовка текста надписей, подверглась за последнее столетие серьезному пересмотру в трудах некоторых исследователей. Во-первых, о значении слова πλατεῖα неоднократно писал в своих работах известный французский историк, археолог и эпиграфист Луи Робер, на мнение которого неизменно ссылаются все издатели надписей, комментирующие употребление слова πλατεῖα. Робер строго придерживался той точки зрения, что

πλατεῖα – это широкая городская улица с колоннами. Аргументируя свою позицию, Робер указывал на то, что это слово достаточно часто появляется в надписях периода империи, когда почти все города были украшены широкими улицами с рядами колонн с каждой стороны, и даже привел перечень надписей из 12 городов, где слово πλατεῖα служило обозначением городской улицы. Одним из перечисленных Робером городов оказалась и Сура с ее надписями из «зала жрецов» (Robert 1937: 532–536; ср. Robert 1980: 152–157).

Во-вторых, ряд современных ученых в отдельных статьях или разделах монографий, посвященных именно Суре, исходя из буквального перевода словосочетания Σεβαστή πλατεῖα, пишут о том, что в Суре существовала Императорская дорога, полную информацию о которой можно получить только после археологических раскопок. Так, Х. Хелленкемпер и Ф. Хильд утверждают, что, согласно надписям, в Суре была улица, названная в честь Цезаря Августа Σεβαστή πλατεῖα (Hellenkemper, Hild 2004: 865). Х. С. Озтюрк уверен, что в оракульном центре Аполлона находилась пешеходная дорога, посвященная Императорам, наблюдением за которой занимались ответственные служители (Öztürk 2010: 298). Н. Чевик, много лет возглавлявший раскопки в Андриаке, гавани Мир, во время которых проводился осмотр и изучение всех близлежащих античных городов и поселений, включая Суру, переводит Σεβαστή πλατεῖα как «Императорская пешеходная дорога» (İmparator yürüyüş yolu) и затем рассуждает о необходимости проведения археологических работ, которые помогли бы определить, что это была за дорога, поскольку единственная видимая сейчас в Суре дорога – это дорога, ведущая от «зала жрецов» вниз к храму Аполлона (Çevik, Öztürk 2011: 96; Çevik 2015: 396).

Так что же тогда на самом деле существовало в Суре – украшенная колоннами улица, названная в честь Цезаря Августа, Императорская дорога или Священная коллегия? Чтобы разобраться в этой проблеме, надо соединить результаты лексико-семантического анализа функционирования слова πλατεῖα в эпиграфическом материале, причем, в первую очередь, в надписях из Малой Азии, с представлением о топографии самой Суры.

В крупных городах Малой Азии периода империи, действительно, имелись широкие прямые улицы-проспекты, выло-

женные мраморными плитами и обрамленные рядами колонн. Такие мощеные улицы, более устойчивые к землетрясениям и другим негативным воздействиям, чем поднимающиеся в высоту постройки, неплохо сохранились во многих малоазийских городах: в Эфесе, Пергаме, Афродисиаде, Гиераполе, Лаодикее-на-Лике, Кибире, Ксанфе, Патарах, Сагалассе, Термессе, Перге, Сиде и др. Однако Сура никогда не была даже маленьким городом и на протяжении всей своей истории оставалась скромным поселением. Ее центром был невысокий холм у самого западного края верхнего плато, где располагалось само поселение. Уже в ликийское время крепость на акрополе служила резиденцией местного правителя. Лучшее всего сохранившаяся часть восточной стены дает возможность отследить все этапы строительства и восстановления крепости: здесь есть и полигональная кладка классического периода, и псевдоисодомная квадратная кладка эллинистического и римского времени, и кладка из бутового камня на известковом растворе византийской эпохи. Из построек, находившихся на равнине, помимо стены «зала жрецов», сохранились первый этаж эллинистической сторожевой башни у северной границы поселения и фрагменты стен византийской базилики V–VI вв., претерпевшей в дальнейшем две серьезных перестройки, к северо-востоку от акрополя. По всей равнинной части Суры во все стороны от акрополя, кроме западной, где начинается спуск к морю, хаотично разбросано около двух десятков саркофагов римского времени и несколько колодцев-цистерн.

Никаких следов мощеной мрамором улицы в Суре нет. Здесь не лежат среди руин ни отдельные барабаны колонн, ни их основания или капители, и вообще все постройки, саркофаги и даже пьедестал статуи жреца Антигона, сына Антигона, на западном склоне холма выполнены не из мрамора, а из местного известняка. Но если все же допустить, что мощеная улица скрывается под слоем земли, то значительно сложнее представить, где бы она смогла пройти среди саркофагов и цистерн, и, главное, для чего она могла понадобиться в столь не соответствующем ее параметрам поселении.

Также в нашем распоряжении нет никаких доказательств того, что все предстоятели были жителями Суры и уж тем более жителями одной улицы. Наоборот, с определенной долей уверенности можно говорить о том, что многие из них никогда в

Суре и не жили и были гражданами Мир. Из надписи в честь жреца Антигона, сына Антигона, становится ясным, что он происходил из знатного рода, представители которого занимали в Мирах многие почетные должности, и что он сам, помимо своего более чем двадцатичетырехлетнего жреческого служения в Суре, исполнял в Мирах целый ряд должностей и даже устроил там всенародное празднество богини Элевтеры (Petersen 1889: 45 № 82). Если даже жрец, главный человек в прорицалище, не был связан своим происхождением именно с Сурой, то тем более такой связи не должны были иметь избираемые лишь на определенный срок предстоятели. Кроме того, в пяти надписях из «зала жрецов» названы представители такого количества семейств, что они при всем желании не смогли бы одновременно жить на территории Суры.

Единственная дорога, небольшие участки которой еще можно обнаружить в Суре, соединяла верхнее плато с берегом моря: она начиналась у южного подножия акрополя и спускалась вниз по склону, проходя чуть севернее вешего источника. Склон холма в этом месте весьма крутой, и поэтому эта дорога по большей части представляла собой лестницу, ступени которой были вырублены прямо в скальном основании холма. Не возникает сомнения в том, что и служители прорицалища, и гости спускались вниз к святилищу именно по этой дороге. Однако эта дорога-лестница едва ли носила имя «Императорской», поскольку и по времени создания была значительно старше Римской империи, и по своим размерам не могла претендовать на такое название, и, кроме того, следует заметить, что дороги, ведущие в святилища (например, от Милета в Дидимы), обычно назывались «Священными» (ἡ ἱερὰ ὁδός), а не «Императорскими».

Мимо северной границы Суры проходила дорога, которая вела из Патар через Фелл и Кианей в Миры. Существование этой дороги зафиксировано в уникальном эпитафическом памятнике, найденном в 1993–1994 гг. в Патарах и получившем название *Stadiasmus Patarensis*. Среди руин городской стены VI в. археологи обнаружили вторично использованные прямоугольные каменные блоки с фрагментами древнегреческого текста. Все они принадлежали высокой колонне, воздвигнутой в 45 г. в Патарах в честь императора Клавдия. За два года до этого, в 43 г. император Клавдий объявил Ликию прокуратор-

ской провинцией Римской империи и назначил ее первым наместником Квинта Верания. Выполняя поручение императора, Квинт Вераний сразу же приступил к работе по улучшению транспортной системы Ликии. За несколько лет были отремонтированы все старые дороги, построены новые и произведены измерения всех расстояний. Результаты этих измерений были отражены в длинной надписи, которую не позже 48 г. вырезали на трех сторонах колонны, свободных от посвяtitельной надписи императору.

Сура в этом документе не упоминается, что лишний раз свидетельствует о том, что она не считалась самостоятельным городом, куда целенаправленно проводилась дорога, и расстояние до и от которого подлежало измерению. Согласно *Stadiasmus Patarensis*, мимо Суры проходил участок дороги Кианеи – Миры (STR. 57, C 19; Şahin, Adak 2007: 256–257), и эта дорога, не имеющая непосредственного отношения к Суре, едва ли могла иметь в поселении свой попечительский совет с предстателями.

Таким образом, топография Суры не дает никаких веских аргументов в пользу существования там мощеной улицы с колоннами или Императорской дороги. И теперь нам следует обратиться к анализу семантики слова *πλατεῖα* и ответить на вопрос, действительно ли это слово обозначало исключительно «улицу», то есть неодушевленный элемент городской инфраструктуры, или у него развилось новое дополнительное значение.

Если рассматривать функционирование слова *πλατεῖα* только в древнегреческой литературе, то ответ на поставленный вопрос будет однозначным: в литературе ἡ *πλατεῖα* – это ‘улица’ или ‘дорога’. Так, Плутарх в «Тесее» упоминает, что могилы афинян, погибших в битве с амазонками, «находятся возле улицы, ведущей к воротам (περὶ τὴν πλατεῖαν εἶναι τὴν φέρουσαν ἐπὶ τὰς πύλας) у святилища героя Халкодонта» (27, 4), а в «Дионе» он повествует о том, как Дион шел навстречу врагам «через кровь, и огонь, и многочисленные трупы, лежавшие на улицах (νεκρῶν πολλῶν κεϊμένων ἐν ταῖς πλατείαις)» (46, 3). Согласно Страбону, в Александрии Египетской «длинная улица тянется (ἡ ἐπὶ τὸ μῆκος πλατεῖα διατείνει) от Некрополя мимо гимнасия вплоть до Канобских ворот» (XVII 1, 10). Артемидор в «Соннике» утверждает, что «распевать песни на агоре или на

улицах (τὸ δὲ ἐν ἀγορᾷ ἢ πλατείαις ἀσματολογεῖν) для богатого означает непристойности и осмеяние, а для бедного – безумие» (I 76). Или он же рассказывает, что одному человеку приснилось, будто он стоит «на улице возле агоры (ἐν τῇ πλατεία πλησίον ἀγορᾶς)» с зеркалом цирюльника в руках (V 67).

Однако если привлечь к рассмотрению тексты надписей, картина окажется далеко не такой однозначной. Безусловно, традиционное значение «улица» сохраняется в тех надписях, где сказано, что πλατεῖα была проложена, вымощена плитами или украшена, а также что она тянется от такого-то места. Надпись начала II в. н. э., найденная на афинской агоре, гласит: «Народ на свои собственные доходы проложил эту улицу (τὴν πλατεῖ[α]ν ἀνέ[θ]ηκεν)» (Shear 1973: 389). Почетная надпись из Афродисиады сообщает, что одним из благодеяний Марка Ульпия Карминия Клавдиана было приношение в дар городу ста пяти тысяч денариев на строительство общественных зданий, часть которых пошла на обустройство мест для зрителей в театре и на «сооружение дороги (τὸ ἔργον δὲ τοῦτο τὸ τῆς πλατείας) с двух сторон [от театра] с начала и до конца, от самого основания и до карниза» (SIG II 2782, 21–23)⁵. В надписи 211 г. из Прусиады-на-Гипии филархи прославили Аврелия Филиппиана Ясона, помимо всего другого, «предоставившего во время своего цензорского служения серебро на обустройство широкой улицы (εἰς πλατείας κατασκεύην)» (IGSK 27. 9, 14–16)⁶. В Эфесе в надписи на постаменте статуи верховного жреца Азии было сказано, что он «по своему собственному решению употребил средства своего верховного жречества на обустройство Золотой улицы (εἰς τὴν τῆς Χρυσῆς πλατείας κατασκευήν)» (IGSK 13. 626, 3–7). В Ликии благодаря своим щедрым пожертвованиям прославился житель Кианей Ясон, сын Никострата, в 139 г. занимавший даже должность верховного жреца Императоров. В 146 г. совет и народ города Мир почтили Ясона специальным декретом, отметив, в частности, что он вместе с дочерью Ликией подарили городу «10 000 денариев на строительство портика у улицы перед уже возведенными банями (εἰς τε κατασκευή[ν] στοᾶς πρὸ τοῦ

⁵ Эта надпись есть в списке Робера (Robert 1937: 533).

⁶ Эта надпись есть в списке Робера (Robert 1937: 533).

κατασκευασμένου βαλανείου [πρ]ὸς τῇ [π]λ[α]τεία») (IGR III 704 II A, 10–13).

В Эфесе агораном Аврелий Метродор второй «счел для себя вопросом чести вымостить частично улицу в Корессе⁷» (ἐφιλοτ[ε]μήσετο ἐκ μέρους στρ[ῶ]σιν πλατίας ἐν τῷ Κορησῶ, IGSK 17.1. 3013)⁸. Там же был найден – правда, не *in situ*, что затрудняет определение местоположения названных улицы и церкви, – камень с надписью христианского времени: «Мощение этой улицы отсюда и до молитвенного дома архангела Гавриила (ἡ στρῶσ[ις] [τῆς] πλατείας ταύτης [ἀ]πὸ ἐνθεν ἕως τοῦ εὐκτηρίου οἴκου τοῦ ἀρχαγγέλου Γαβριήλ) было произведено при образованнейших ученых и отцах [города] Иоанне и Леонтии» (SEG 33: 961). В Аполлонии-на-Риндаке «Гай Юлий Гермас, он же Меркурий, вымостил за собственный счет улицу (ἔστρωσεν ἐκ τῶν ιδίων τὴν πλατεῖαν) от дома для взвешивания до уединенного дома» (SIG II 3705)⁹. Известна подобная надпись и на Сицилии: в Термах Гимерейских некий человек за свои средства осуществил «мощение улицы камнем» (τ[ὸν] [σ]τρῶσιν τᾶς πλατείας τὰν [ἀ]πὸ τοῦ λίθου, IG XIV. 317)¹⁰.

Почетная надпись из Эфеса, созданная в честь некоего жителя города, занимавшего даже должность верховного жреца, имя которого не сохранилось из-за утраты начальных строк надписи, упоминает также и о его сыне Марке Аврелии Артемидоре Метродориане, «вымостившем во время своего служения в должности притана спуск от пританея до соединения с широкой улицей (ἕως τῆς ἐνβάσεως τῆς πλατείας)» (IGSK 17.1. 3071, 21–22)¹¹. Словом *πλατεῖα* здесь назван магистральный проспект, состоящий из Южной улицы, улицы Домициана и улицы Куретов, а спуск (*κάθοδος*), который был вымощен каменными плитами, – это Верхняя улица Куретов, идущая от пританея до поворота, где улица Домициана переходит в улицу Куретов. Во фрагменте другой надписи из Эфеса говорится о некоей улице, идущей от пропилей (*πλατείας τῆς ἀπὸ τοῦ προπύλο[υ]*, IGSK 12. 422A), а во фрагменте надписи из Стратоникеи сказано: «... вдоль улицы, ведущей от тройных

⁷ Коресс – район Эфеса.

⁸ Эта надпись есть в списке Робера (Robert 1937: 533).

⁹ Эта надпись есть в списке Робера (Robert 1937: 533).

¹⁰ Эта надпись есть в списке Робера (Robert 1937: 534).

¹¹ Эта надпись есть в списке Робера (Robert 1937: 533).

ворот до другой улицы» (παρὰ τὴν [πλατεῖαν] τὴν φέρουσ[αν ἀπὸ τοῦ] τριπύλου ἕως τῆς] ἄλλης πλατ[είας, IGSK 22.1. 1003). Почетная надпись из Сирии, перечисляющая благодеяния некоего гражданина, чье имя пропало вместе с уничтоженным началом надписи, сообщает, что он построил термы и «перед ними вдоль улицы портик» (π]ρὸ αὐτῶν ἐπὶ τῆς πλατείας στοὰν, AAAS 23. 1973. 41, 2, 17). Короткая надпись римского времени из Афин устанавливает границу «общественной улицы» (δη[μοσίας] πλα[τείας], IG II². 2628)¹².

Во всех приведенных надписях слово *πλατεῖα*, следуя литературной традиции, обозначало исключительно городскую улицу. Однако параллельно с привычным употреблением появляются надписи, где *πλατεῖα* стоит уже в несколько ином синтаксическом окружении. В Пергаме на нижней агоре был найден прямоугольный пьедестал из белого мрамора, на котором была вырезана следующая надпись: «Луция Куспия Пактумея Руфина, консула¹³, благодетеля и учредителя родины, [почтили статуей] населяющие улицу Паспаритов (οἱ κατοικοῦντες τὴν Πασπαρειτῶν πλατεῖαν), а руководили Менандр второй, красильщик, и Гай Юлий Эвтакт, давшие из своих собственных средств сто денариев и [полностью оплатившие] основание» (IGR IV 425)¹⁴. Улица Паспаритов, судя по всему, находилась в районе Пергама, названном в честь Диодора Паспара, которому пергамцы за его политическую и дипломатическую деятельность в период Митридатовых войн воздали такие же почести, что и царю Атталу III, и даже воздвигли ему как обожествленному герою храм, где служили свои постоянные жрецы. Бани и героон Диодора Паспара были расположены в средней части города к востоку от Главной улицы Пергама.

В византийское время возле Эфеса при строительстве акведука был использован блок серого мрамора с погребальной надписью в честь Корфолея Филаргира и его жены. От каждой строки надписи сохранилась лишь центральная часть, но вполне прочитывается фраза: «А позаботились об этом погребении населяющие улицу...» (κῆδονται δὲ ταύ[της οἱ τὴν ... πλ]ατεῖαν

¹² Эта надпись есть в списке Робера (Robert 1937: 534).

¹³ Луций Куспий Пактумей Руфин вместе с Луцием Статием Квадратом занимал должность консула в 142 г. н. э.

¹⁴ Эта надпись есть в списке Робера (Robert 1937: 533).

κατοικοῦντες[ς]), – и лишь само название улицы оказалось утраченным (IGSK 16. 2298A, 4–5).

В надписи, сделанной жителями улицы Паспаритов, и в надписи из Эфеса слово *πλατεῖα* по-прежнему обозначает улицу, но сама улица появляется здесь уже не в связи с ее прокладкой, мощением или расположением в городе, а в связи с теми людьми, чья жизнь была связана с этой улицей. И эти люди, в свою очередь, не просто жили на этой улице, но объединились ради выражения своего почтения и создания статуи или ради устройства могилы в группу единомышленников. Такое объединение носило, скорее всего, временный характер и еще не было утвердившейся коллегией, а значит, эти надписи показывают начальный этап процесса создания постоянных объединений по принципу местожительства и начальный этап использования при описании таких объединений слова *πλατεῖα*.

О похожем объединении жителей улицы, где имелся ксис – крытая галерея для зимних тренировок атлетов – сообщает короткая надпись из Смирны конца II в. н. э., выполненная на бронзовой фигурной раме для вывешивания флага: «Товарищества жителей улицы с ксисом (συνβιώσεως ξυστοπλατειῶν), при казначее Стефане» (IGSK 24.1. 714)¹⁵. В этой надписи, правда, нет самого слова *πλατεῖα*, но название жителей улицы *ξυστοπλατεῖται* явно происходит от названия улицы *ξυστοπλατεῖα*. Их товарищество обозначено словом *συνβίωσις*, но сам факт наличия у этого товарищества флага как знака отличия свидетельствует о том, что оно едва ли возникло для какого-либо одноразового мероприятия и, скорее всего, имело стабильное существование в течении некоторого времени.

Следующий этап развития семантики слова *πλατεῖα* демонстрируют пять надписей II в. н. э. из Апамеи Фригийской¹⁶. Когда совет и народ Апамеи, а также живущие там римляне решили почтить Тиберия Клавдия Пизона Митридатяна, сына Тиберия Клавдия Митридата, жреца Зевса Келенского, то воздвижение одной статуи «осуществили на свои средства ремесленники с улицы Сапожников» (τὴν ἀνάστασιν ποιησαμένων ἐκ

¹⁵ Эту надпись Робер не включает в свой список надписей со словом *πλατεῖα*, но подробно рассматривает ее несколькими страницами ниже (Robert 1937: 536).

¹⁶ Все эти пять надписей есть в списке Робера (Robert 1937: 533–534).

τῶν ἰδίων τῶν ἐν τῇ Σκυτικῇ πλατεῖα τεχνειῶν, IGR IV 790, 14–16), а воздвижение другой статуи «осуществили на свои средства мастера с улицы Терм» (τὴν ἀνάστασιν ποιησαμένων ἐκ τῶν ἰδίων τῶν ἐν τῇ Θερμαίᾳ πλατεῖα, МАМА VI 180 II, 19–20). То же самое произошло, и когда совет и народ Апамеи и живущие там римляне приняли решение почтить Тиберия Клавдия Граниана, сына Тиберия Клавдия Пизона Митридатяна: воздвижение одной статуи «осуществили на свои средства ремесленники с улицы Сапожников» (τὴν ἀνάστασιν ποιησαμένων ἐκ τῶν ἰδίων τῶν ἐν τῇ Σκυτικῇ πλατεῖα τεχνειῶν, IGR IV 790, 29–32), а воздвижение другой статуи «осуществили на свои средства мастера с улицы Терм» (ποιησαμένων ἐκ τῶν ἰδίων τῶν ἐν τῇ Θερμαίᾳ πλατεῖα, МАМА VI 180 I, 12–15). Совет и народ Апамеи вместе с живущими там римлянами постановили также почтить Поплия¹⁷ Маннея Рузона, и его «статую воздвигли мастера с улицы Терм» (ἀναστησάντων τὸν ἀνδριάντα τῶν ἐπὶ τῆς Θερμαίας πλατείας ἐργαστῶν, IGR IV 791, 20–23).

Такая же синтаксическая конструкция встречается в частично испорченной надписи из карийского города Милас: в честь победы в борьбе на Олимпийских играх Дионисида, сына Деметрия, «те, кто с улицы ... (две строки частично не читаются) (οἱ ἐκ τῆς πλατείας), установили алтарь», посвященный Императору и Зевсу Олимпийскому (IGSK 34. 403).

Комментируя надписи из Апамеи, У. Рамсей утверждает, что «Улица Сапожников» – это организация, которая имела свои собственные доходы и могла воздвигать почетные статуи на свои собственные средства (Ramsay 1897: 462). Издатели *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes* объясняют Σκυτικῇ πλατεῖα как «collegium artificum in Platea Coriaria consistentium» – «коллегия ремесленников, живущих на Кожевенной улице» (IGR IV p. 277). Также и издатели *Monumenta Asiae Minoris Antiqua* полагают, что «ремесленники с улицы Терм» – это союз (association) (МАМА VI, p. 160).

Получается, что во всех этих пяти надписях речь, несомненно, идет об определенном союзе ремесленников, однако значительно сложнее решить, является ли πλατεῖα при этом обозначением улицы – улицы, где живут кожевенных дел мастера, или

¹⁷ На камне было вырезано имя Прокл, что было расценено издателями как ошибка.

улицы, ведущей к Термам, горячим источникам, бившим возле Апамеи, – или само слово «улица» служит здесь уже названием организации. Анализ синтаксических конструкций, в которых в античных источниках фигурирует слово τεχνῖται или слово ἐργασταί, не позволяет выявить строгой тенденции в их использовании. Однако можно отметить, что место жительства или место пребывания ремесленников указываются крайне редко. Примером такого единичного употребления может служить надпись с Хиоса, согласно которой нескольких ксенофилаксов – должностных лиц, занимающихся защитой иностранцев, – увенчали золотым венком «судовладельцы и рабочие в порту (οἱ] ἐπὶ τοῦ λιμένος ἐργ[ασταί)» (MDAI(A) 13, р. 169–170). Или высказывание Феофраста в «Характерах» о том, что бахвалящийся человек готов спорить «о мастерах из Азии (περὶ τῶν τεχνιτῶν τῶν ἐν τῇ Ἀσίᾳ)», заявляя, что они лучше «мастеров из Европы (τῶν ἐν τῇ Εὐρώπῃ)» (XXIII 3).

Как в литературе, так и в надписях активно использовалось устойчивое выражение οἱ περὶ τὸν Διόνυσον τεχνῖται ‘Дионисовы мастера’, как называли тогда театральные актеров. Но существование подобного выражения, хотя оно и обозначало некую обособленную группу мастеров, своего рода профессиональную организацию, все же не может быть признано весомым аргументом в пользу того, что определение при слове τεχνῖται должно было указывать на их принадлежность к какому-либо союзу.

Тогда истолкование надписей из Апамеи может опираться лишь на наше представление о развитии семантики самого слова πλατεῖα. Πλατεῖα как «улица» изначально явилась тем связующим элементом, который объединял людей в краткосрочный или длительный союз по месту жительства. Но в надписях из Апамеи акценты уже принципиально меняются. Главным оказывается не то, что ремесленники живут на такой-то улице, а то, что они на базе этой улицы объединились в некую организацию, и эта организация определяется по названию улицы. То есть само слово πλατεῖα уже не столько обозначает реальную улицу, сколько формирует вокруг себя название союза. Еще один шаг, и πλατεῖα станет просто обозначением факта существования союза, превратится из «улицы» в «союз» или «коллегию».

Именно этот завершающий этап превращения «улицы» в «коллегию» отражают надписи из лидийского города Сайтт. Надпись на мраморной стеле 152/3 г. сообщает, что «коллегия сапожников (ἡ πλατεῖα τῶν σκυτέων) почтила¹⁸ Аполлонида второго, прожившего 47 лет» (ТАМ V.1. 79). В следующем году «коллегия сапожников (ἡ πλατεῖα τῶν σκυτέων) почтила жреца Артемидора, сына Гликона, прожившего 62 года» (ТАМ V.1. 80). В 166/7 г. «коллегия сапожников (ἡ πλατεῖα τῶν σκυτέων) почтила Филиппика, сына Александра» (ТАМ V.1. 146)¹⁹, а в 173/4 г., «коллегия сапожников (ἡ πλατεῖα τῶν σκυτέων) почтила Никефора, сына Дескила, прожившего 50 лет» (ТАМ V.1. 81). Была в Сайттах и коллегия мастеров по обработке льна. В 162/3 г. «коллегия мастеров по обработке льна (ἡ πλατεῖα τῶν λεινουργῶν) почтила Трофима, сына Аффии, прожившего 40 лет» (SEG 31: 1026). А в надписи 167/8 г. слово πλατεῖα осталось в одиночестве, без указания на вид коллегии: «коллегия почтила (ἑτεῖμησεν ἡ πλατεῖα) Дионисия, сына Эпафродита, прожившего 25 лет» (SEG 33: 1018).

Во всех приведенных надписях слово πλατεῖα было употреблено исключительно для обозначения профессионального союза. Это легко доказать, если привлечь к рассмотрению другие надписи из этого же города, где в точно такой же синтаксической позиции стоят слова, служившие для обозначения разных общественных организаций: τὸ ὁμότεχνον ‘профессиональная коллегия’, ἡ συνεργασία ‘профессиональное сообщество’, ἡ συμβίωσις ‘товарищество’, ἡ σύνοδος ‘объединение’, ἡ γειτοσύνη или ἡ γειτονία ‘товарищество соседей’. Так, в 183/4 г. «коллегия мастеров по обработке льна (τὸ ὁμότεχνον τῶν λινουργῶν) почтила Трофимаса, сына Маркиона, прожившего 45 лет» (ТАМ V.1. 82). В 145/6 г. «коллегия мастеров по обработке шерсти (τὸ ὁμότεχνον τῶν λαναρίων) почтила Октавия Поликлита, прожившего 57 лет» (ТАМ V.1. 85). В 154/5 г. «коллегия валяльщиков (τὸ ὁμότεχνον τῶν γναφέων) почтила Папия, сына Артемидора, прожившего 75 лет» (ТАМ V.1. 86). В 156/7 г. «коллегия ткачей (τὸ ὁμότεχνον τῶν ὑφαντῶν) почтила Диодора, сына Артемаса, прожившего 35 лет» (SEG 33: 1017). В 202/3 г.

¹⁸ Точнее, «почтили» – в надписи глагол стоит во множественном числе.

¹⁹ Эта надпись есть в списке Робера (Robert 1937: 533).

«коллегия мастеров по обработке льна (ἡ συνεργασία τῶν λινουργῶν) почтила²⁰ Александра, сына Маркиона, прожившего 68 лет» (SEG 31: 1036). В 205/6 г. «коллегия мастеров по обработке льна (ἡ συνεργασία τῶν λινουργῶν) почтила Юлиана, прожившего 40 лет» (ТАМ V.1. 83). В 211/2 г. «коллегия мастеров по обработке льна (ἡ συνεργασία τῶν λινουργῶν) почтила Аммиана, прожившего 9 лет» (ТАМ V.1. 84). В 151/2 г. «товарищество (ἡ συνβίωσις) почтило Пантагафа, сына Гермиппа, прожившего 40 лет» (ТАМ V.1. 87). В 167/8 г. «товарищество (ἡ συνβίωσις) почтило Зенобиса, сына Зенобия, прожившего 38 лет» (ТАМ V.1. 87а). В 190/1 г. «товарищество (ἡ συνβίωσις) почтило Алкиноя, сына Аполлония, прожившего 24 года» (SEG 31: 1032). В 194/5 г. «товарищество (ἡ συνβίωσις) почтило Эпиктета, управляющего хозяйством Маркии, хорошо прожившего 23 года» (ТАМ V.1. 88). В 224/5 г. «товарищество (ἡ συνβίωσις) почтило Юлиана, прожившего 25 лет» (ТАМ V.1. 89). В 168/9 г. «объединение новых танцоров (ἡ σύνοδος τῶν νέων ποδαρίων) почтило Дескила, сына Диофанта, прожившего 43 года» (ТАМ V.1. 92). В 135/6 г. «товарищество соседей (ἡ γειτονία) почтило жреца Дионисия, сына Никомеда, прожившего 43 года» (SEG 33: 1020). В 198/9 г. «товарищество соседей (ἡ γειτοσύνη) почтило Евтихиана, прожившего 23 года» (ТАМ V.1. 90). А в 225/6 г. «Хрисантинские друзья почтили своего друга Аврелия Прима, прожившего 25 лет» (ТАМ V.1. 93).

Как видим, перед нами достаточно устойчивая формула, в которой действующим лицом при глаголе «почтить» всегда стоит либо общественная организация, либо – и таких примеров можно привести огромное количество – просто имя человека, скорбящего об ушедшем родственнике. Так, в 41/2 г. «брат Гликон и мать Татия, дочь Аполлония, почтили Асклепиада, сына Аристана» (ТАМ V.1. 94); в 156/7 г. «Антиох вместе с братом почтил свою жену Нику, прожившую 30 лет» (ТАМ V.1. 107); в 248/9 г. «Никиан почтил свою жену Стратонику, прожившую 35 лет» (SEG 33: 1023) и т. д. Слово *πλατεῖα* смогло получить место в этой формуле только благодаря тому, что, потеснив исходное значение «улица», приобрело новое значение «коллегия».

²⁰ В тексте надписи глагол стоит во множественном числе – «почтили».

Примеры надписей из Саитт дополняют надписи из Эфеса. Почетная надпись, вырезанная на постаменте статуи жреца Императоров известного софиста II в. н. э. Тита Флавия Дамиана, сообщает, что его «как своего благодетеля и [человека] во всем несравнимого [почтила] коллегия (ή πλατεῖα)» (IGSK 17.1. 3080, 1–4)²¹. В гимнасии Ведия (II в. н. э.) в латрине на колоннах напротив мест для сидения были сделаны надписи, закреплявшие право пользования тем или иным местом за конкретной организацией. Всего таких надписей было шесть: *τραπεζειτῶν γ'* ‘три [места] менял’; *κανναβαρίων Σερβειλίου στοᾶς* ‘владельцев магазинов в портике Сервилия’; *ἐριολωλῶν ἀστιπόλων* ‘городских торговцев шерстью’; *πλατείας Βρανχιανῆς* ‘коллегии [Аполлона] Бранхия’; *λεντιῶφαντῶν* ‘ткачей’; *συνεργασίας κανιτῶν* ‘союза корзищиков’ (IGSK 12. 454)²². В этой надписи, как и в надписях из Саитт, *πλατεῖα* опять выступает синонимом слова *συνεργασία*. Прилагательное *Βραγχιανή* не дает ни один словарь, его нет даже в новом древнегреческо-испанском словаре, выходящем под общей редакцией профессора Ф.Р. Адрадоса. Скорее всего, это прилагательное связано по своему происхождению с эпитетом Аполлона *Βράγχιος*, зафиксированном в орфическом гимне к Аполлону: *Βράγχιε καὶ Δίδυμεῦ* ‘о Бранхий и Дидимец’ (XXXIV 7)²³, – а сам этот эпитет обязан своим возникновением оракулу Аполлона в Дидимах близ Милета, жрецы которого назывались Бранхидами.

В Памфилии в городе Перге сохранилось основание статуи с надписью III в. н. э.: «Драгиллиана пятого Тиллиана Элевсиниана Пульхра, всадника, сына и потомка магистратов, [приходящего] из сенаторского и консульского рода [почтила] Священная коллегия (ἱερὰ πλατεῖα)» (IGSK 61. 322). Комментируя текст этой надписи, С. Шахин, ссылаясь на мнение Робера, утверждает, что под *ἱερὰ πλατεῖα* подразумеваются жители улицы Торжественных процессий – по ней шли процессии к храму Артемиды, и, по всей видимости, этой улицей следует считать южный отрезок улицы с колоннами. Однако, если бы составители этой надписи были жителями улицы Торжественных

²¹ Эта надпись есть в списке Робера (Robert 1937: 533).

²² Эта надпись есть в списке Робера (Robert 1937: 533).

²³ Другая форма этого эпитета *Βραγχιιάτης* встречается у ритора Меландра (445).

процессий, ничто не помешало бы им именно так себя и назвать, как это сделали, например, жители улицы Паспаритов в Пергаме. Здесь же совершенно определенно используется все та же устойчивая формула, что и в надписях из Саитт и Эфеса, причем на формульный характер высказывания лишний раз указывает пропуск глагола «почтила» – ведь именно формула позволяла легко восстановить и понять опущенный глагол. Следовательно, Драгиллиана пятого почтила именно Священная коллегия, а была ли она связана по своему происхождению с улицей, по которой шли торжественные процессии, или нет, этот вопрос остается уже за пределами текста надписи.

О Священной коллегии идет речь и в надписи на беломраморном постаменте из Апамеи: «Артас, сын Артемидора, после всех должностей, и общественных работ, и сооружения двух секторов сидений на стадионе, позволил Священной коллегии (τῆ ἱερωτάτῃ πλατῖα) [воздвигнуть свою] статую, и руководили воздвижением Менекл Прокл, сын Артемидора, и Менекл Трифон, его родственники» (ΜΑΜΑ VI 176)²⁴. В Сирии в городе Канафе была найдена сильно испорченная почетная надпись, где тоже говорилось о τῆς ἱερᾶς πλατείας (IGR III 1230)²⁵. Однако утраченная часть строки, непосредственно предшествовавшая этому словосочетанию, лишает нас возможности дать точный перевод слова πλατεῖα в этой надписи.

Упоминание о ἱερᾶς πλατείας есть и в надписи II–III вв. н. э. из лидийского города Фиатир. Верный императору совет города почтил Л. Юлия Никомаха, помимо всех других своих благодеяний, «руководившего прокладкой Священной улицы» (ἐργελιστατήσαντα ἱερᾶς πλατείας, ΤΑΜ V.2. 970, 8–9)²⁶. На первый взгляд эту надпись очень хочется поставить в один ряд с предыдущими надписями. Однако подобному истолкованию препятствует глагол ἐργελιστατέω ‘быть руководителем работ’. В литературе этот глагол зафиксирован всего дважды (Artem. Onir. IV 31, 9; Schol. Aristophan. Ραχ 606a), зато он активно использовался в Малой Азии при составлении надписей. Анализ этого материала показывает, что ἐργελιστατέω употреблялся чаще всего в форме причастия и либо стоял само-

²⁴ Эта надпись есть в списке Робера (Robert 1937: 534).

²⁵ Эта надпись есть в списке Робера (Robert 1937: 534).

²⁶ Эта надпись есть в списке Робера (Robert 1937: 533).

стоятельно, как правило, в формуле «когда руководителем был такой-то» (IGSK. 16. 2039, 12–14; 24.1. 639, 15–16 и т. д.), либо имел при себе зависимые слова, которые всегда ставились в родительном падеже и называли или процесс возведения (что значительно реже), или тот объект, на руководство строительством которого указывал глагол ἐργεπιστατέω. В таких же конструкциях функционировало и существительное ὁ ἐργεπιστάτης ‘начальник строительства’.

В надписи в честь Иренея, сына Драконтомена, найденной возле карийского города Керама, сказано, что «воздвижением статуи руководили (ἐργεπιστατήσαντος τῆς ἀναστάσεως τοῦ ἀνδριάντος) Аристократ, сын Леонната и иринарх Менестрат, он же Деметрий» (IGSK 30. 31, 16–17). В Лидии в том же городе Фиатирах приблизительно в 170 г. н. э. совет и народ почтили Лебиана, сына Каллистрата, «начальника облицовки дома заседаний в святилище Адриана» (ἐργεπι[στά]την σκουτλώσεως οἰκο[β]ασιλικοῦ τοῦ ἐν τῷ Ἀδρια[ν]εῖῳ, TAM V.2. 982, 17–20). Почтили они также Аврелия Абасканта, «руководившего возведением портика могущественнейшего совета» (ἐ<ργ>επισ[τα]τήσαντα ἐμβόλου τῆς κρ[α]τίστης βουλῆς, TAM V.2. 942, 2–4), и Марка, сына Менандра, руководившего созданием 25 Эротов для Стоколонного здания и постройкой дома заседаний герусии» (ἐργεπιστά[τη]ν Ἐρώτων τῶν ἐν τῷ Ἐκα[το]νταστύλῳ κε’ καὶ οἰκοβ[ασ]ιλικοῦ τοῦ τῆς γερουσίας, TAM V.2. 991, 12–15). Еще одна надпись из Лидии объявляет о посвящении императору Нерону места для прогулок, добавляя, что «руководил и мастерскими, и строительством теплого места для прогулок (ἐργεπιστα[τήσα]ντος τῶν τε [ἐργα]στηρίων καὶ [τοῦ θ]ερμοῦ περι[πάτο]υ) Тиберий Клавдий Эпиник» (SEG 59: 1377, 4–8). Надпись из города Лагин в Карии сообщает, что жрец Фаний, сын Аристея, внук Фания, много раз заботился о проведении мистерий, а также «принял решение о возведении бронзовых пилонов для богини и возглавил их сооружение (ἐργε[πε]-στάτησεν αὐτῶν)» (IGSK 22.2. 658, 8–10). А надпись на постаменте, найденном в святилище Лето в Ликийи, прославляет Эвклида третьего, правнука Аполлония, жителя Ксанфа, много сделавшего для родного города и «руководившего строительством городского гимнасия и возведением бронзового алтаря отеческих богов» (ἐργεπιστατήσαντα τοῦ ἐν πόλει γυμνασίου καὶ βωμοῦ χαλκέου τῶν πατρῶων θεῶν, TAM II.2. 496, 13–15).

Все эти и аналогичные им примеры показывают, что глагол ἐρῦεπιστάτέω имел значение ‘руководить строительством’ и не использовался в значении ‘возглавлять организацию’. Поэтому следует признать, что ἱερὰ πλατεῖα надписи из Фиатир – это именно «Священная улица», а не «Священная коллегия».

Еще одна надпись, чье истолкование не может быть признано однозначным, происходит из города Истрии в Малой Скифии. Этот вырезанный на мраморной стеле почетный декрет второй половины II в. н. э. перечисляет благодеяния Абы, дочери Гекатея, внучки Эвксенида, жены Гераконта, жрицы Матери богов, которая, помимо всего прочего, прославилась щедрой раздачей денег и проведением пиров для представителей разных профессиональных союзов: членов совета и герусии, врачей, учителей, – а также устроила пиршество для «певцов, и плотников, и ἱεροπ[λα]τεῖταις, и членов союза почитателей Геракла» (IScM I 57, 31–32; SEG 30: 796). Робер полагает, что ἱεροπλατεῖται – это жители Священной улицы (Robert 1980: 156–157). Однако, если учесть, что словосочетание ἱερὰ πλατεῖα могло служить названием не только улицы, но и коллегии, а также обратить внимание на общий смысл этой части декрета с его перечислением разных общественных и профессиональных объединений, то небезосновательно возникают сомнения в правильности столь категоричного толкования. Конечно, здесь могло подразумеваться товарищество жителей Священной улицы, но точно так же ἱεροπλατεῖται могли быть и членами Священной коллегии, уже не связанной с определенной улицей. Для точного решения этой проблемы информации одной надписи, к сожалению, недостаточно.

Итак, мы рассмотрели почти все доступные нам надписи со словом πλατεῖα и убедились в том, что развитие семантики этого слова привело его от значения «мощеная улица» к значению «коллегия». Тогда надписи из «зала жрецов» Суры демонстрируют нам окончательный результат этого процесса в чистом виде – в них πλατεῖα обозначает коллегия, возникновение которой никоим образом не было связано с какой-либо реальной улицей (широкой мощеной улицы с колоннами в Суре просто никогда не было), и, следовательно, для Суры значение «улица» не может реконструироваться даже в исторической ретроспективе. Таким образом, наш исходный тезис о том, что надписи из «зала жрецов» Суры свидетельствуют о существ-

вовании при святилище Аполлона попечительской организации под названием «Священная коллегия», можно считать доказанным.

И все же, чтобы лишний раз опровергнуть все попытки истолкования Σεβαστή πλατεῖα как «Священная улица» или «Императорская дорога», давайте проанализируем синтаксическую позицию этого словосочетания в тексте надписей Суры. Во всех надписях, кроме НК48, это словосочетание стоит после причастия глагола γραμματεύω: γραμματεύοντος Σεβαστῆς πλατείας ‘когда секретарем Священной коллегии был ...’. Глагол γραμματεύω, как, впрочем, и существительное γραμματεὺς ‘секретарь’, встречаются в надписях из всех регионов эллинского мира десятки раз. Поэтому нам не составит труда проследить, какими по значению существительными они обычно управляли.

С древнейших времен в надписях из Аттики фигурирует ὁ γραμματεὺς ὁ τεῖς βολεῖς ‘секретарь совета’ (IG I³. 24, 9–11; 80, 16–17; 84, 27; 156, 21–22; 174, 9–10 и т. д.), в надписях из Пелопоннеса – γραμματεὺς βουλᾶς (IG V.1. 20, В 5; 32, 15; 34, 7; 37, 1; 60, 4 и т. д.), в надписях с Кикладских островов – ὁ γραμματεὺς τῆς βουλῆς (IG XII.5. 800, 25; 832, 28; 880, 4–5; 884, 2–3; 885, I 3; 886, 3 и т. д.), в надписях из городов центральной Греции – γραμματεὺς βουλᾶς καὶ δάμου ‘секретарь совета и народа’ (IG VII. 1, 1–2; 3, 1–2; 4, 18; 6, 18; 7, 13–14; 8, 19–20 и т. д.), а в надписях из Малой Азии – ὁ γραμματεὺς τῆς βουλῆς (IMagn. 103, 45; IGSK 14. 1380, а 5 и т. д.), γραμματεὺς βουλῆς δήμου ‘секретарь совета народа’ (IGSK 24.1. 771, 27–28; 772, 11).

В надписях из Дельф неоднократно встречается выражение γραμματεύοντος (τᾶς) βουλᾶς ‘когда секретарем совета был’ (FD III.1. 25, 7–8; 228, 3; 280, 2; III.2. 51, 10; 121 2; 169, 4–5; 236, 2–3 и т. д.), а в надписях из Малой Азии – γραμματεύοντος τῆς βουλῆς (IMagn. 90, 3), γραμματεύσαντα (τῆς) βουλῆς ‘бывшего секретарем совета’ (TAM II.2. 661, 13–14; II.3. 1202, 9–10; IMagn. 163, 12–13), γραμματεύσαντα βουλῆς καὶ τοῦ δήμου ‘бывшего секретарем совета и народа’ (TAM II.1. 130, 5–6), γραμματεύοντος βουλῆς δήμου ‘когда секретарем совета народа был’ или γραμματεύσαντα βουλῆς δήμου ‘бывшего секретарем совета народа’ (TAM V.2. 829, 20–22; 947, 5–6; 970, 11–12).

На основании примеров со стоящим после γραμματεὺς / γραμματεύω словом βουλή – причем приведенных весьма выборочно – становится очевидным, сколь распространенной была

рассматриваемая конструкция. Поэтому в дальнейших примерах мы ограничимся лишь глаголом γραμματεύω в надписях из Малой Азии и не будем стремиться перечислить для одинаковых сочетаний все случаи употребления: γραμματεύοντος τοῦ δήμου ‘когда секретарем народа был’ (IGSK 12. 422, 2; 429, 2; 14. 1238, 18–19; 1396, 4 и т. д.), γραμματε[ύ]οντος τῆς συνόδου ‘когда секретарем собрания был’ (IGSK 14. 1122, 8–9), γραμματευόντων τοῦ ἱερωτάτου συν[εδ]ρίου τοῦ μισωτηρίου ‘когда секретарями священнейшего совета казначейства были’ (IGSK 15. 1577a, 1–4), γραμματεύσαντα τῆς πόλεως ‘бывшего секретарем города’ (IMagn. 164, 4–5), γραμματεύσαντα Λυκίων τοῦ ἔθνους ‘бывшего секретарем народа ликийцев’ (TAM II.1. 145, 5–6), [γρα]μ[μ]ατεύοντος τῆς συνε[ργασίας] ‘когда секретарем профессионального союза был’ (IGSK 13. 679, 7–8) и т. д.

В каждом из этих примеров после причастия глагола γραμματεύω стоит тот или иной термин, служивший для обозначения общественной организации. Противоположных примеров, то есть случаев, когда глагол γραμματεύω управлял бы словом, обозначающим некую постройку городской инфраструктуры, не удалось найти ни одного. Из этого следует совершенно определенный вывод: «секретарь» – это должность в сообществе людей, а у улицы, пусть даже мощеной и украшенной рядами колонн, или у дороги, пусть даже Императорской, просто не могло быть никакого секретаря.

Вторая конструкция, которую образует словосочетание Σεβαστή πλατεῖα в надписях из «зала жрецов», по сути аналогична первой. В двух надписях, НК48 и НК49, список предстоятелей вводится не просто словом простάται, а более торжественным выражением (οἱ) простάται Σεβαστῆς πλατείας ‘предстоятели Священной коллегии’. Слово простάτης, будь то в единственном или во множественном числе, широко использовалось как в литературе, так и в эпиграфике, но, поскольку мы анализируем его употребление в надписи, то логично привлечь к рассмотрению соответствующие контексты именно из эпиграфического материала.

В надписях из Аркадии фигурируют простάτα<i> </i> τοῦ δάμου ‘предстоятели народа’ (IG V.2. 11, 12–13) и <прос>τάται βωλ<ã>ς ‘предстоятели совета’ (IG V.2. 351, 10), в надписи из Фессалии простάται τοῦ συνεδρίου ‘предстоятели совета’ (IG IX.2. 205, 33), в надписи из Мессении ὁ простάτης διὰ βίου τοῦ

κοινοῦ τῶν Ἀχαιῶν ‘пожизненный предводитель Ахейского союза’ (IG V.1. 1398 ab, 7), в надписи из Аттики ὁ προ[στ]άτης τοῦ ἱεροῦ ‘предводитель святилища’ (IG II². 4747, 4–6), в надписи из Лаодикеи Комбусты οἱ προστ[άτ]αι φυλῶν Σ[εβ]αστῶν ‘предводители священных фил’ (MAMA I 22, 5–7), в надписях из Дидим προστάτης τοῦ μεγάλου γυμνασίου ‘предводитель большого гимнасия’ (IDid. 84, 17–18) и προστάτης γερουσίας ‘предводитель герусии’ (IDid. 84, 20; 264, 2). Жители Акмонии во Фригии почтили προστάτην τῆς πόλεως ‘предводителя города’ (MAMA VI 266, 5–6), а жители Эфеса προστάτην ... τοῦ τε ἱεροῦ τῆς Ἀρτέμιδος καὶ τῆς πόλεως ‘предводителя и святилища Артемиды, и города’ (IGSK 13. 614C, 22–23).

Приведенные примеры показывают, что при слове προστάτης так же, как и при γραμματεῦς и причастии глагола γραμματεύω, ставилось обычно название какой-либо организации – ведь даже «святилище» и «гимнасий» выступают здесь не как постройки, а как сообщества людей, чья деятельность была связана с этими общественными заведениями. Кроме того, если бы слово πλατεῖα в надписях Суры имело значение ‘улица’, то по аналогии со словосочетанием προστάτης πλατείας можно было бы ожидать существования словосочетания προστάτης τῆς ὁδοῦ – как бы ‘предводитель дороги’, однако такое словосочетание ни в литературных произведениях, ни в надписях не встречается.

Оракул Аполлона Сурийского прославился далеко за пределами Ликии еще в эллинистическое время, и поэтому нет ничего удивительного в том, что и у граждан своего родного города – а Сура располагалась на земле Мир – святилище Аполлона всегда пользовалось почитанием, что и привело к созданию специального попечительского совета, занимавшегося вопросами организации повседневной жизни прорицалища. Членства в этом совете удостоивались представители знатных родов города Мир, их имена вырезались в надписях на каменных стелах, и, по крайней мере, в первой половине III в. н. э. этот совет назывался Σεβαστὴ πλατεῖα ‘Священная коллегия’. И если входящее в это название слово πλατεῖα в своем семантическом развитии начинало со значения «улица», то сама Священная коллегия ни по своему происхождению, ни по стоящим перед нею задачам никогда не была связана ни с

украшенной колоннами улицей, ни с названной в честь императора дорогой.

Литература и сокращения

- AAAS – *Les Annales Archeologiques Arabes Syriennes*. Damas.
- Borchhardt, J. 1975: Sura: Fischorakelstätte des Apollon. In: *Myra. Eine Lykische Metropole in antiker und byzantinischer Zeit* / Hrsg. von J. Borchhardt. Berlin, 76–80.
- Çevik, N. 2015: *Lykia Kitabı*. İstanbul.
- Çevik, N., Öztürk, H.S. 2011: Sura Likya'da Bir Kehanet Merkezi. *Aktüel Arkeoloji* 22, 90–97.
- CIG – *Corpus Inscriptionum Graecarum*. Berolini.
- FD – *Fouilles de Delphes*. Paris
- Heberdey, R., Kalinka, E. 1897: Bericht über zwei Reisen im südwestlichen Kleinasien, ausgeführt im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. *Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe* 45. Wien.
- Hellenkemper, H., Hild, F. 2004: *Lykien und Pamphilien*. Wien. (= Tabula Imperii Byzantini. Bd. 8).
- IDid. – Rehm, A. 1958: *Didyma. II. Die Inschriften*. Berlin.
- IG – *Inscriptiones Graecae*. Berolini.
- IGSK – *Inschriften Griechischer Städte aus Kleinasien*. Bonn.
- IGR – *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes* / auctoritate et impensis Academiae inscriptionum et litterarum humaniorum collectae et editae. Paris.
- IMagn. – Kern, O. 1900: *Die Inschriften von Magnesia am Maeander*. Berlin.
- IScM – Pippidi, D.N. 1983: *Inscriptiones Histriae et vicinia*. (Inscriptiones Daciae et Scythiae Minoris antiquae. Series altera: Inscriptiones Scythiae Minoris Graecae et Latinae. Vol. I). Bucharest.
- LGPN – *A Lexicon of Greek Personal Names* / Ed. by P.M. Fraser, E. Matthews. Oxford.
- Liddell, H. G., Scott, B. 1996: *A Greek-English Lexicon* / Revised and augmented throughout by H. S. Jones with the assistance of R. McKenzie and with cooperation of many scholars. With a revised supplement. 9th ed. Oxford.
- MAMA – *Monumenta Asiae Minoris Antiqua*. Manchester.
- MDAI(A) – *Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. Athen.
- Neumann, G. 1962: Beiträge zum Lykischen II. *Die Sprache* 8, 203–212.
- Öztürk, H. S. 2010: Yazıtlar Işığında Myra ve Çevresi Antik Çağ Tarihi. In: *Arkeolojisinden Doğasına Myra/Demre ve Çevresi*. Antalya, 295–303.
- Petersen, Eu. 1889: Myra – Andriake – Sura. In: *Reisen in Lykien, Milyas und Kibyratis* / Hrsg. Eu. Petersen, F. von Luschan. Wien, 28–47 (= Reisen im südwestlichen Kleinasien. Bd. II).

- Prikhodko, E. V. 2016: [Sura – the Lycian settlement with a fish oracle. Part 1: Myra and Sura: the history and the ruins]. *Aristeas. Philologia Classica et Historia Antiqua*. XIII, 127–192.
Приходько, Е. В. 2016: Сура – ликийское поселение с оракулом по рыбам. Часть 1. Миры и Сура: история и руины. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* XIII, 127–192.
- Prikhodko, E. V. 2016: [Sura – the Lycian settlement with a fish oracle. Part 2: From Myra to Sura: travellers and scholars]. *Aristeas. Philologia Classica et Historia Antiqua* XIV, 274–343.
Приходько, Е. В. 2016: Сура – ликийское поселение с оракулом по рыбам. Часть 2. Из Мир в Суру: путешественники и ученые. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* XIV, 274–343.
- Prikhodko, E. V. 2017: [Sura – the Lycian settlement with a fish oracle. Part 3. Mantic procedure: the prophetic spirit and priesthood]. *Aristeas. Philologia Classica et Historia Antiqua* XVI, 120–179.
Приходько, Е. В. 2017: Сура – ликийское поселение с оракулом по рыбам. Часть 3. Процедура вопрошения: вещий дух и служители. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории*. XVI, 120–179.
- Ramsay, W. M. 1897: *The cities and bishoprics of Phrygia*. Vol. 1. Part. II. Oxford.
- Ritter, C. 1859: *Die Erdkunde im Verhältnis zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie*. Teil 19: Klein-Asien. Bd. II. Berlin.
- Robert, L. 1937: *Études Anatoliennes: recherches sur les inscriptions grecques de l'Asie Mineure*. Paris.
- Robert, L. 1980: *À travers l'Asie Mineure: poètes et prosateurs, monnaies grecques, voyageurs et géographie*. Paris. (= Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome. 239).
- SEG – *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Leiden, 1923–1971; Amsterdam, 1979 –.
- Shear T. L. 1973: The Athenian Agora: Excavations of 1972. *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens* 42. 4, 359–407.
- Spratt, T. A. B., Forbes, E. 1847: *Travels in Lycia, Milyas, and the Cibyratis, in Company with the late Rev. E. T. Daniell*. Vol. I–II. London.
- Şahin, S., Adak, M. 2007: *Stadiasmus Patarensis. Itinera Romana Provinciae Lyciae*. Istanbul.
- TAM – *Tituli Asiae Minoris*. Vindobonae.
- Waltzing, J. P. 1899: *Étude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains depuis les origines jusqu' à la chute de l'Empire d'Occident*. T. III. Louvain.
- Ziebarth, E. 1896: *Das griechische Vereinswesen*. Stuttgart.

E. V. Prikhodko. How the «Sacred College» has become the «Imperial Road», or about the meaning of the word πλατεῖα in the inscriptions of Asia Minor

Sura, a small settlement in the territory of the great Lycian city of Myra, was famous in the ancient world for its fish oracle of Apollo. According to the evidence of five inscriptions of III AD there was an organization in Sura which took care of the sanctuary of Apollo. Its name was Σεβαστὴ πλατεῖα – Sacred College. However, L. Robert, N. Çevik and some other scholars believe that Σεβαστὴ πλατεῖα is the name of the wide paved colonnaded street or of the road named in honor of the emperor. But the settlement of Sura was so small, that there was never any colonnaded street or Imperial road at all. The author considers many contexts of the word πλατεῖα from inscriptions of Asia Minor and concludes that in this region πλατεῖα meant not only «street», but also «guild», «college». Therefore, the inscriptions of Sura present lists of προστάται of the Sacred College.

Keywords: Asia Minor, Sura, Lycia, fish oracle, Sacred College, πλατεῖα, list of prostatai, word meaning, ancient Greek inscription.